



# Личность в экстремальных условиях

Валерия Мухина

## ПОЖИЗНЕННО ЗАКЛЮЧЕННЫЕ: МОТИВАЦИЯ К ЖИЗНИ (продолжение)\*

Рефлексия осужденных на триаду:  
психолог – надзиратель – осужденный

*Мы все – шуты у времени и страха.  
Дни к нам ползут, от нас ползут, – живем!  
И жизнь клянем, и умереть боимся.*

Дж.Г. Байрон «Манфред»

Мои подопечные отозвались на мою статью, посвященную анализу специфики работы тюремного психолога. Хочу сразу без обиняков передать право высказать свое мнение тем, кто сидит по ту сторону двери камер.

А.Л.

06.12.2007

Мы... продолжили  
строить наш храм

Дорогая Валерия Сергеевна, здравствуйте!

Сегодня шестое декабря. А Вы приезжали к нам 25 октября. И все эти шесть прошедших недель мы с Андреем, Гошей и Сашей продолжали «строить» наш храм\*\*. Плюс постоянная работа на нормальное функ-

\* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2002. № 3. С. 51–60; № 4. С. 100–114; № 1. С. 97–117; № 4. С. 121–143; 2004. № 1. С. 118–130; № 2. С. 128–145; № 3. С. 115–127. № 4. С. 97–106; 2005. № 1. С. 157–175; № 2. С. 137–142; № 3. С. 82–93; № 4. С. 100–114; 2006. № 1. С. 110–118; № 2. 141–146; № 3. С. 145–151; № 4. С. 89–101; 2007. № 1. С. 138–151; № 2. С. 194–198; № 3. С. 147–154. В этом номере публикуются рефлексии осужденных на материал, опубликованный в предыдущем номере: Мухина В.С. Меж двух огней: тюремный психолог // Развитие личности. 2007. № 4. С. 106–120.

\*\* Они работали в камере: шкурили разные детали царских врат, перекрытий и др. для церкви Николая Угодника, которую открыли для пожизненно осужденных в январе 2008 г.

ционирование «Участка» – в ноябре–декабре для нее характерен синусоидальный всплеск. Три дня назад этот ежегодный всплеск плавно перетек в обычную рутину – освободилось «окно» для других дел, и перво-наперво сразу же принялся вот за это письмо...

Мысли зека-технаря по поводу прочтения статьи  
«Меж двух огней...»

Итак – мысли, пришедшие на ум зека-технаря по поводу наивнимательнейшего прочтения им статьи «Меж двух огней: тюремный психолог».

Сперва общее впечатление: все-таки сейчас действительно другие времена, на дворе XXI век, как верно подмечено Вами, и, положив руку на сердце, говорю, что положение в нашей тюрьме соответствует многим принципам законности, гуманизма и толерантности. Как-никак, не только ведь сотрудники надзирают над нами, но и мы, заключенные, тоже, наблюдая за ними, изучаем их, поэтому десятилетняя практика моих наблюдений позволяет сделать этот и все нижеследующие выводы.

«По ту сторону решетки передо мной прошло много лиц»

По ту сторону решетки передо мной прошло много лиц. Были среди них хорошие, были не очень. Были и есть и сейчас. Примеров толерантности сотрудников, знаменующих истинную силу их личности и профессионализма – великое множество. Правда, некоторые из них нельзя приводить вслух, другие – пожалуйста. Вот один из них, самый простой.

«Был у нас один надзиратель»

Был у нас один надзиратель (впрочем, он и сейчас работает), очень тщательно следивший за своим видом. Форма всегда чистая, опрятная, брюки отутюжены, ботинки начищены до зеркального блеска. Известный нам своей непредсказуемостью, тем не менее дело свое он знал, так что пошел вверх по служебной лестнице. Однажды в возникшей сутолоке при выводе осужденных из камеры один из зеков наступил, с позволения сказать, своим нечто отдаленно похожим на тапок на его зеркальный ботинок... Немедленно последовавшие непечатные слова не пугали – да, неприятно, однако страшно было другое: стандартная норма ПР-73 плюс быть взятым на «особую заметку» этим младшим инспектором. И вот, в ожидании худшего, стоя буквой «зю» на коридоре, мы вдруг слышим нормальный голос (хозяйина) этого «ботинка»: «Ладно, прощаю! Понимаю че!..» И действительно, в будущем никаких плохих последствий.

«Надзиратели ведут себя так, как мы того заслуживаем»

На самом деле наши надзиратели ведут себя так, как мы того заслуживаем. В частных беседах они нам неоднократно прямо говорили: «Как вы к нам, так и мы к вам будем относиться». Думаю, что этой фразой все сказано. И это действительно так. Есть осужденные, ко-

торых они называют по имени – каково, а? А есть такие, которых только матом. Да, у них есть свои служебные обязанности, которые они выполняют, однако никакие приказы и нормы служебного поведения (например, про функцию человеческой речи) *не могут (как удивительно это ни было бы) подавить формы эмпатийной беседы, сопереживания и сочувствия, существующие (специально подчеркиваю!) между нами и ними.* Они же тоже не дураки, ясно видят, кто из нас что из себя представляет, плюс тот же самый психолог, которому посвящена эта статья, постоянно проводит с ними занятия по служебной подготовке.

Очень многое дают наши свидания с родными. «Надзиратели» сидят на них, слушают, смотрят – и час-то меняют свой внутренний негатив по отношению к тому или иному осужденному, не заикливаясь отныне на его дверной карточке с описанием наших зверств. Они действительно служат, а не реализуют свои темные наклонности. Хотя могу привести (только не вслух!) примеры и другого рода.

«Подавляющее число наших “надзирателей” сегодня честно делают свою работу...»

А чудовищ таких здесь нет. Обыкновенный коллектив, схожий с коллективом нашей строительной фирмы, где я работал. На мой взгляд, подавляющее большинство наших «надзирателей» *сегодня* честно делают свою работу, невольно (подсознательно) руководствуясь при этом библейским принципом: *«ни чувственно, ни бесчувственно, но сочувственно».* Есть немного чересчур уж дотошно-занудных – но их тоже можно понять: ему же скучно ходить часами по коридору, вот он и пристает к нам. Сначала, чего уж скрывать, это раздражало, нервировало, но потом и эти младшие инспекторы неожиданно достойно проявляли себя в наших глазах, так что теперь их «придирки» рассматриваем как некий ритуал службы, на который у меня сама собой выработалась толерантная позиция. И овцы целы, и волки сыты – если перефразировать, то и нервы наши целы, и «надзиратель» удовлетворяет свои амбиции «маленького начальника». В принципе, с общим впечатлением все. Теперь по абзацам более подробно, а в конце – неожиданный мой вывод.

«Где были психологи в 1998 году?»

**Особое место психолога в условиях тюрьмы.** Здравствуйте пожалуйста! (саркастически). Вспомнили!! Ну, надо же, а?! Теперь хоть знать буду перечень должностных обязанностей психолога. Только где этот психолог был в 1998 году? В 1999-м? Да, понимаю, что тогда и слыхом не слышали про такую штатную единицу, тем не менее тогда, повторяю, **тогда** он нужен был...

«Со своим... психологом мы познакомились всего лишь три месяца назад»

Знаете, Валерия Сергеевна, что со своим, то есть с положенным нам от администрации колонии, психологом мы познакомились всего лишь три (вдумайтесь в цифру) месяца назад? Это оказалась Елена Николаевна Хаперкина. Вызывали каждого из 162-х осужденных наверх. Человек приходил туда и видел сидящую в «километре» от него отчаянно храбrivшуюся, но все же испуганную женщину в погонах (могли бы там «наверху» сообразить, что психологу лучше приходит к осужденным в штатском), которая спрашивала имя и отчество, затем с надеждой на отрицательный ответ вопрошала: «Вопросы есть?» Конечно же нет!

Одна-две минуты на каждого тутошнего заключенного. О каком контакте может идти речь? Помощь мне не нужна – в первые годы (1998–1999) нас тут **всему обучили...**

Да нас даже батюшка исповедует в присутствии одного-двух, а то и трех сотрудников, а тут – психолог с охраной. Не знаю, как у других, но у меня «наученные» ответы на подобного рода общение. Сперва твердили не один год: «Вас расстрелять мало!..» Теперь предлагают психологическую помощь. Не-ее-ее-ее, не верю! Я уж как-нибудь сам... Но все-таки Елена Николаевна молодец, снимаю шляпу перед ней. (Мой поклон Елене Николаевне, нашему штатному психологу. Сейчас она практически ежедневно приходит сюда на «Участок» и люди к ней ходят.)

Внешняя дисциплина – вынужденное послушание

**Позиции и диспозиции.** Очень точно сказано: речь идет не о толерантности, а о внешней дисциплине и вынужденном послушании. Потому что мне, преступнику (обобщенно!), со стороны администрации веры нет. Об этом нам неоднократно говорили офицеры. Примеров – куча. Так, свое несогласие (хотя бы в бытовых вопросах, для нас самых главных) мы были вынуждены скрывать за вынужденным послушанием. Неподчинение – оно скрытое: все равно сделаю по-своему, потому что некоторые установленные для нас правила противоречат здравому смыслу своей явной глупостью. Слава Богу, что половина наших «надзирателей» понимает это и они смотрят сквозь пальцы на мое стремление жить *по-человечьи* (!!!). Ну, а когда на смену заступают особо «принципиальные», то веду себя по строго предписанным правилам.

Сразу ясно: «надзиратели» заводят «заключенных»

**Стэндфордский эксперимент.** Мне кажется, что результаты были бы другими, проводись они не на изнеженных англичанах-американцах, а на русских студентах. Ну, смотрите: первого «заключенного» освободили

через 36 часов после начала эксперимента. Быстро же он сломался, если учесть, что в первый день (в первые 24 часа) его участники испытывали чувство неловкости: всего 12 часов смог терпеть этот бедолага. И почему его результаты оказались неожиданными (стр. 4) – не понимаю... Был же сценарий – и мне сразу стало ясно, что «надзиратели» заводят «заклученных», что игра превратится в нечто большее.

У нас, у русских, менталитет такой – вспоминаю я сейчас свои детские игры, когда пацаном во дворе бегал, так они у нас всегда далеко за правила выходили. Игра превращалась в жизнь. На полном серьезе страсти кипели такие, что Уильяму Шекспиру и не снилось. Вот и профессор Ф.Дж. Зимбардо *специально* (!) создал такие условия, чтобы испытуемые всерьез приняли свои роли, вот они и не халтурили. В самом определении слова «надзиратель» скрыта жестокость – и в подобного рода играх-экспериментах она обязательно проявится. Обязательно, как ни грустно это признавать.

Далее по тексту... *«следуя тюремным процедурам с покорностью зомби»*. Слово «зомби» неудачное. У зомби нет своих мыслей, а знали бы Вы наши мысли во время этих самых тюремных процедур! «С покорностью овцы» – так будет точнее\*.

... «не был пройден период адаптации»: ерунда! Это не аргумент в объяснении некорректности эксперимента. Нас – Андрея, меня, Гошу – при аресте и в первый день тюрьмы «адаптировали» так, что четырнадцатидневная программа стэнфордского эксперимента в подметки не годится. Я же говорю: слабаки эти англичане...

И почему эксперимент признали неудачным? На мой взгляд, он оправдал ожидания на все 100%. Об этом говорят все сделанные выводы, которых я не касаюсь своей оценкой. Они правдивы, но однобоки. Ведь многие люди могут противостоять условиям лагерей, жаль, что об этом дана только одна строчка, поэтому еще раз хочу повторить: будь на месте условных «заклученных» другие люди, и результаты были бы другими.

---

\* *Зомби* – тот, кто находится в полувменяемом или невменяемом состоянии. Овца – безмолвная скотина, кроткое домашнее животное, которое человек разводит для мяса, молока, шерсти. В Священном писании: овны без порока; жертвенное животное; лжепророки, «которые приходят к вам в овечьей одежде» (Мф. 7:15). Овца может выступать как символ рядящегося в кротость сокрытия чего-то опасного. В баснях: волк, рядящийся в овечью шкуру. Так что, полагаю: автор поспешил, поторопился со своими сравнениями.

«О надзирателях лучше всего сказал Астафьев»

**Слова Солженицына.** Все верно, но о «надзирателях» лучше всего сказал Астафьев в своей книге «Прокляты и убиты». К сожалению, дословно я не помню, а парафраз тут не годится, тут именно дословные авторские слова нужны. Дайте задание кому-нибудь найти этот отрывок, уж больно он нагляден... Кстати, этим и объясняется, почему зеки вступившие в ССП (секцию содействия правопорядка), становятся такими жестокими.

«Мы большей частью злорадуем, нежели сочувствуем “надзирателю”»

Не согласен, что «осужденным, однако, дела нет от свободы». Нет, как раз наоборот. Все мы прекрасно осознаем это – и к стыду своему, большей частью злорадуем, нежели сочувствуем «надзирателю», что он тоже «сидит» вместе с нами.

Знаки-символы наказания

**Ключ.** Ключ – это предмет ненависти. Это не символ. Знаете, как «дзинькает» связка ключей на поясе у надзирателя, когда он ходит туда-сюда по коридору? Как будто специально подбирали такой сплав, чтобы ухо заключенного испытывало боль от звука бряцающих ключей\*.

**ПР–73** – надзирателей учат применять этот «символ» не как средство активной обороны, а как «закрепитель-уяснитель» всех правил, слов и замечаний.

**Наручники** – это до такой степени родной предмет, что, когда их снимают, Вы сами удивлялись, почему это мы не знаем куда деть свои руки.

**Речь** у надзирателей сейчас по отношению к нам намного человечнее, чем раньше.

«**Вертухаи** – личные враги» – это частное мнение одного из Ваших подопечных.

Стэндфордский тюремный эксперимент, приводящий в ужас обычных людей, и наши реальные (то есть УПЛС) отношения надзирающих и надзираемых совсем другие в общей-то массе. Конечно, есть и редкие исклю-

---

\* Вот именно по такой реакции заключенных в камеры под ключ я и писала: «... ключи в руках у надзирающего выступают как символ его насильственной власти. Замыкание дверей камеры ведет к тому, что осужденный спасается бегством в самого себя. Он или становится замкнут не только снаружи, но и на самом себе, или подпадает под волну поднимающейся в нем агрессии, которая направлена прямо на того, кто непосредственно осуществляет надзор». Алексей подтверждает мое видение и мою болезненную идентификацию с сидящими в камерах: ранимое, сензитивное восприятие «звона бряцающих ключей» – следствие всего комплекса депривирующего воздействия этого символа неволи, материализованно представленного в бряцающих ключах в руках охранника.

Полиция исходит  
из простого  
и вечного

чения. Я знаю мнение многих сокамерников, с кем до-  
велось сидеть, поэтому и говорю так.

**Тюремные расправы.** У меня небольшое дополнение:  
Полиция исходит из простого  
И вечного. Пример: любовь к семье.  
И, только опираясь на сие,  
Выходит на широкие просторы.  
Полиция учена и мудра.  
И знает: человек – комочек праха.  
Мне кажется, что человек разбит  
В полиции на клетки и участки.  
Нажмут – и человек ознобит.  
Еще нажмут – и сердце бьется чаще.  
Я думаю, задолго до врача  
Ибо ученых, их трактатов ранних,  
Нагих и теплых по полу влача,  
Все органы и члены знал охранник.  
Но прах не заматывается пургой,  
А лагерная пыль заносит плаху.  
И человек, не этот, так другой,  
Встает превыше ужаса и страха.

Отсюда вытекает самый главный вывод: *чем выше  
духовность, тем устойчивее человек к тотальным си-  
туациям.*

Отношения на  
участке во многом  
зависят от стиля  
руководства

**Отношения властителя и подвластного.** Во многом  
они зависят от стиля руководства, от начальника наше-  
го УПЛС. Как он поставит службу своих подчиненных,  
так она и будет сказываться на нас. У нас третий на-  
чальник.

Теперешние изменения заметил даже телеопера-  
тор, недавно приезжавший братъ интервью у Андрея  
(показывали 1 декабря по НТВ). Он, оператор, снимал  
лет пять назад здесь сюжет, и для него разница «обра-  
щения с осужденными очевидна».

На этом вроде бы все. Всего не напишешь, тем не  
мнее, думаю, что это мое письмо окажется для Вас ин-  
формативно-полезным.

Еще бросилось в глаза вот что (только хочу предуп-  
редить, что мое мнение – субъективное: если налить  
полстакана воды, то одному человеку он покажется на-  
половину полным, другому – наполовину пустым).

Дорогая Валерия Сергеевна, Ваши выводы в статье  
верны для тюрьмы в общем. Касательно же только од-  
ного нашего «Участка» я бы поменял приоритеты: в  
профессиональную обязанность психолога на первое  
место я поставил бы: *«укреплять их в желании жить и  
надеяться на лучший исход»*, и только потом уже

должно идти «укреплять осужденных в принятии необходимости подчинения установленным правилам».

Тут люди будущего своего не видят, вообще жить не хотят. Соответственно соблюдение правил им до лампочки. Сперва защитите их от отчаяния, покажите свет надежды в конце тоннеля, а затем уж, так и быть, учите жить в заданных условиях.

... один преступник, выйдя на свободу,  
почувствовал, как тяжело одному,  
Как волен, да не нужен он народу,  
И вновь с тоски запил и сел в тюрьму...  
А там – все так знакомо, так привычно:  
И стены, и решетки, и друзья.  
И чувствует себя он вновь отлично.  
Тюрьма – как дом родной...

Учиться жить  
в заданных  
условиях

И это так. У многих уже за 15 лет перевалил срок отсидки. Тюрьма действительно стала домом, в котором они давно уже *научились жить* (!). Причем учились сами, без помощи отсутствовавшего в те же времена психолога. Научились так, что исчезла проблема антагонизма между ними и надзирателями, то есть со своей охраной мы живем в ладу. Приспособились к режиму, к охране, к надзирателям, а самое главное, к привычной мысли, что «не нужен буду я народу». Вот в чем кроется проблема «пожизненников».

«Человек,  
обретший себя  
и понявший, что  
у него есть  
будущее...»

Поэтому в ноги кланяюсь, дорогая Валерия Сергеевна, что Вы занимаетесь именно этой проблемой... Человек, обретший себя и понявший, что у него есть будущее, будет сидеть и соблюдать правила не за страх, а за совесть.

На этом ставлю точку – для письма хватит, а говорить можно бесконечно. Сегодня уже 10-е число – с учетом того, что письмо будет лежать у цензора недели две, плюс дорога до Москвы, плюс долгий путь до Вашей кафедры по закоулкам МПГУ, решил не отправлять это письмо: не успеет оно дойти. Лучше я его Вам сразу в руки отдам. Конечно, если бы я сумел его написать еще в конце октября – начале ноября, то отправил бы, не задумываясь. Но мы работали. Вчера вот тоже приносили две небольшие детальки – делали их аккуратно в уголке, чтоб без пыли было (просто нерационально было ради них укрывать все вещи как обычно). Скоро окончательно закончится эта работа и нам ее будет не хватать – привыкли уже...

«Новость у меня:  
видел свой новый  
паспорт!»

А есть и радостная новость у меня: видел свой новый паспорт! Приходила женщина, которая занимается оформлением наших паспортов, дала расписаться в каком-то бланке за соответствие паспортных данных. (По-

том меня сфотографировали, сказали что «на паспорт»). В бланке расписался, она забрала и сунула его в самую красную книжицу паспорта – видать, мой будущий «документ», как говаривал кот Матроскин. Ну и хорошо. Паспорт есть – одной проблемой меньше.

«Не волнуйтесь, у меня все хорошо»

Валерия Сергеевна, дорогая, Вы не волнуйтесь, у меня все хорошо. Живу и радуюсь даже такой жизни. У меня сохранилось то самое единственное письмо от Вас, которое Вы посчитали возможным мне прислать. Помните? Это было в марте 2004 года... Время от времени я его обязательно перечитываю. Вы как раз там писали об умении жить в заданных условиях. Как я Вам благодарен за всю Вашу помощь и заботу обо мне!.. Спасибо Вам, спасибо!

«Раньше сам выбирал и создавал себе условия жизни»

Жить в заданных условиях... да, как круто перевернулась жизнь. Раньше сам выбирал и создавал себе условия жизни. Обязательно нужен был простор, чтоб купол неба надо мною! И вот уже 10 лет сижу в четырех стенах (иногда посещает дурацкая мысль: как будет сидеть в камере человек с клаустрофобией? Но чувствую, что душа – живая у меня, что только рада будет вновь всему тому, что нравилось ей раньше. У Дж.Г. Байрона в одном месте сказано: «Но без добра недаром худа нет. Мы также не остались без награды: по-прежнему мы любим солнца свет, лес, море, небо, водопады...», а в другом: «... и сердце, хоть разбитое, живет, и борется в надежде перемены». По-моему, это он про меня так написал. А если серьезно, то я действительно прошу Вас, дорогая Валерия Сергеевна, поверьте мне, действительно не сломаюсь! Нужно жить, и нужно бороться. Жить несмотря ни на что. Жить даже в заданных условиях. И это я теперь знаю точно. Низкий мой Вам поклон!.. Приезжайте, я Вас всегда жду!

Всего Вам самого доброго и светлого!

До свидания!

С уважением и благодарностью – Алексей».

Специалистам будет полезно узнать мнение человека, который уже отсидел в камере более десяти лет

Я полагаю, что специалистам будет полезно узнать мнение человека, который уже отсидел в камере более десяти лет и который наблюдает триаду «психолог–надзиратель–осужденный» изнутри – из своей камеры, и со своей позиции осужденного пожизненно.

Камера – особый фактор места, особая реальность, задающая особые социальные отношения и по-особому фокусирующая все функции человека: восприятие, внимание, память, мышление и воображение. Камера – это постоянно действующий стрессогенный фактор. Из

камеры как под увеличительным стеклом открываются некоторые особенности людей, стоящих по другую ее сторону, особенности, которые в нашей обыденной жизни обычно микшируются внешними социально приемлемыми формами своих проявлений – это могут быть проявления не только отчужденных сторон личности, но и вполне лояльных и эмпатийных.

Заклученные ратовали за присутствие психолога

Реакций на предложение отозваться на материал, касающийся триединой связи «психолог–надзиратель–осужденный», было предостаточно. В целом заключенные ратовали за присутствие психолога в условиях тюрьмы для пожизненно осужденных. Они писали о том, что «психолог нужен», что он «может служить неким амортизатором между арестантами и сотрудниками» исполнения наказания. Они писали о том, «что сосуществование в тюрьме арестантов и сотрудников может быть вполне сносным». «И, конечно, приближение к идеалу может быть достигнуто при помощи психолога».

Из числа осужденных есть некоторая часть...

Из числа осужденных есть некоторая часть тех, кто неадекватно воспринимает ситуацию отбывания своего наказания в условиях строгой изоляции. Они пишут письма такого содержания, которое приводит в замешательство тех, кто по службе осуществляет досмотр. Такие письма не передаются адресатам. Осужденные могут сделать попытку подбросить записочки в надежде, что получивший их человек со свободы передает их по назначению. Одну записку передали непосвященному в правила участка батюшке, за что его перевели в другое место служения. Однажды мне была подброшена записка... По содержанию – описание ада отношений между осужденными и администрацией «Участка»... Реально систематические жалобы пишут одни и те же персонажи, которые отличаются особыми личностными качествами, отчуждающими от них прежде всего сокамерников, которых они утомляют и раздражают своими характерологическими особенностями. Эти люди по большей части отличаются неуживчивыми характерами с тяжелыми акцентуациями.

Полагаю, что будет уместно привести еще одно из писем – ведь каждый из осужденных имеет свое уникальное видение столь значимой для всех проблемы.

С. Х.

27.10.2007

«Здравствуйте, уважаемая Валерия Сергеевна!

Благодарю Вас за то тепло и участие, которое мы постоянно получаем от Вас!

Спасибо Вам и Вашим коллегам Леониду, Маргарите Иосифовне Резник, Анне Черной за гостинцы и те яркие, красивые фотографии, которые Вы привозили нам. Все очень понравилось, чай с гостинцами, с медом пили за Ваше здоровье, а фотографиями из Нью-Йорка я честно поделился с соседями по камере – они очень просили.

К стэндфордскому тюремному эксперименту я отнесся скептически

Прочитал Вашу статью «Меж двух огней: тюремный психолог». Заинтересовало. К стэндфордскому тюремному эксперименту, скажу честно, я отнесся скептически. Все эти опыты над «человеческим материалом» Филиппа Дж. Зимбардо пахивают подделкой, а любая подделка, как это известно, преследуется по закону.

«Студенты – это не заключенные»

Ну, посудите сами: когда студенты вместе с преподавателями играют в тюрьму, то все это выглядит несерьезно, как несерьезно выглядели бы учения призывников с деревянными автоматами, на основе которых серьезный военный начальник делал бы оперативные и тактические выводы, подсчитывал бы потери в живой силе и боевой технике, писал бы боевой устав и отсылал бы необходимые рекомендации и приказы в действующие войска. Цена таким научным изысканиям – медный грош. Как можно изучать психологию «надзирателей» и «заключенных», основываясь лишь на эксперименте со студентами? Ведь студенты – это *не заключенные*.

Известный журналист Александр Хинштейн много писал на тему криминала в газете «Московский комсомолец». Писал о тюрьме и о сотрудниках тюрем, об «авторитетах», о судах, о сроках, писал легко, играючи, вроде бы собаку съел на эту тему. Но лишь после того, как он отсидел несколько месяцев в изоляторе, как он позднее признавался, он «действительно прочувствовал и понял какого цвета страх...». А ведь он не отсидел даже года.

Никогда никакому студенту не понять состояния человека, которому, вдруг, зачитали постановление об аресте, предъявили ордер на обыск, которого били дубинкой не один год, на которого надевали наручники и возили на суд, которому говорили последние слова, отделявшие его навсегда от мира, от свободы, от жизни: и который «... приговаривается к смертной казни».

«Речь идет о ненужном эксперименте»

Руководитель стэндфордского эксперимента отмечал, что «через 36 часов после ареста пришлось освободить первого «заключенного». Его поведение стало на грань патологии. Он плакал, кричал, ругался и совершал неразумные действия». Под неразумными действиями я подразумеваю весь этот ненужный эксперимент. И очень жалко студентов.

«Сколько усталости и безнадеги в лице арестанта»

Талантливый советский актер Андреев (который снимался и в «Трактористах» и в других известных в то время фильмах) попал в сталинские годы, во время очередной волны репрессий, в Бутырку. Я смотрел документальный фильм и видел тюремную фотографию в его личном деле. Сколько усталости и безнадеги в его лице, которое на экране было олицетворением силы, здоровья и бодрости духа советского человека. Сразу видно – человек не участвует в стэндфордском эксперименте. Он сейчас не актер, не режиссер, не играет пламенного революционера. Он – сидит по обвинению НКВД.

Что касается отношений «надзирателей» и «заключенных» – я не верю Зимбардо, я верю Виктору Франклу, у него очень богатый опыт. Я верю А.И. Солженицыну: «сами этот жребий выбрали...» Говорить и писать на эту тему для себя считаю неэтичным, ведь я сам бывший убийца. «И кто больше всех знает, тот горше всех должен плакать, убедившись, что древо знания не есть древо жизни» (Дж. Байрон «Манфред»)\*.

«Вижу Ваше искреннее желание понять...»

Верю Вам потому, что вижу Ваше искреннее желание все понять и написать на эту тему действительно стоящий труд. И, естественно, ценю Вашу помощь и доброе участие в нашей судьбе. У каждой медали есть две стороны.

А.И. Солженицын правильно писал, что «в надзирателе, тюремном и лагерном, встретить человека бывает можно, каждый заключенный встречал на своем пути не одного». Вы по своим профессиональным ориентациям направлены и на науку (Вас интересует человек как личность) и на практику (психологическая помощь тем, кто попал в экстремальные условия).

«Смягчить неприязнь очень важно»

Как психолог Вы ставите перед собой задачу *смягчить* ту неприязнь, то отчуждение, которое возникает естественным образом между противостоящими сторонами: надзирающими и надзираемыми. И это очень важно, это здесь является просто необходимым, сама жизнь доказывает это каждый день.

На этом заканчиваю свое письмо, еще раз благодарю Вас и Ваших коллег за помощь, которую мы от Вас получаем, после встреч с Вами снова появляется интерес к жизни.

Помоги Вам Бог!

Целую Ваши руки.

С Уважением, Сергей Х.»

\* «... Кто знает больше, тот всех глубже ранен истиной суровой, что Древо Знания – не Древо Жизни». – см. Байрон Дж. Г. «Манфред».

Все они понимают  
необходимость в  
психологе

Мои подопечные узники прокомментировали мой материал, посвященный триадным отношениям: психолог – надзиратель – осужденный. Все они – за психолога, профессиональные обязанности которого: помочь отчаявшимся, находящимся в состоянии тяжелой депрессии, нуждающимся в поддержке и укреплении желания жить, нуждающимся в оказании помощи в общении с надзирателями, с сокамерниками, с внешним миром.

Об отношении ко мне как человеку, который посещает их вот уже семь лет, я обязательно предоставлю специальную подборку их ответов на вопросы анкеты составленной руководством.

---

